

ИСПАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РОЛЬ КАТОЛИЦИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В XVI—XIX ВЕКАХ

Л. Г. Крицкий

Католицизм продолжает играть значительную роль в жизни современного латиноамериканского общества. Более 90% населения континента — католики. Вследствие этого католическая церковь оказывает серьезное влияние на социально-экономическую структуру и политические режимы многих латиноамериканских государств. Религиозная идеология накладывает отпечаток на социальную психологию, национальный характер и культуру латиноамериканцев, тормозит развитие классового сознания трудящихся.

В этой связи приобретает большую актуальность изучение исторических корней влияния католицизма в Латинской Америке, распространение которого началось с завоеванием испанцами этого континента. Испанская корона и конкистадоры рассматривали католическую церковь как важное орудие духовного порабощения индейцев, и очень скоро она превратилась в один из главнейших факторов общественной жизни колоний.

Вопрос о роли церкви в завоевании Америки и становлении структуры колониального общества до сих пор находится в центре внимания многих исследователей. Буржуазная историография прилагает большие усилия, чтобы доказать «положительное влияние» католической церкви на развитие континента. Сама церковь также создает и финансирует центры по изучению проблем истории религии. В последнее время в Латинской Америке значительно увеличилось число изданий клерикальной литературы, выпуск которой координируется Международной федерацией католических институтов социальных и социально-религиозных исследований. Возросший интерес церкви к социальным проблемам не случаен. Потеряв реальную политическую власть, церковь стремится закрепить свое идеологическое влияние на широкие массы. Она финансирует целую армию специалистов в области социологии, философии и других наук. Такие авторы, как Э. Пин, Ф. Утар, И. Алонсо, К. Рама, Г. Перес, К. Нейса¹ и др., в своих работах касаются порой сложных социальных проблем, пытаются дать анализ социально-экономической ситуации на континенте, но при всем том все их сочинения отличаются стремлением истолковать действительность сквозь призму христианской идеологии, укрепить позиции церкви в латиноамериканских странах как важного идеологического института, предотвратить отход верующих от религии и церкви. Решение стоящих перед латиноамериканцами проблем

¹ I. Alonso, G. Ginés. La iglesia en América Central y el Caribe. Friburgo-Bogotá. 1962; E. Pin. Elementos para una sociología del catolicismo latinoamericano. Friburgo-Bogotá. 1963; F. Houtart. La iglesia latinoamericana en la hora del concilio. Friburgo-Bogotá. 1963; e. j. u. s. d. The Challenge to Change. The Church Confronts the Future... N. Y. 1964; C. M. Rama. La religión en el Uruguay. Montevideo. 1964; G. R. Pérez. El problema sacerdotal en América Latina. Friburgo-Bogotá. 1964; C. Neisa. Clero y cultura. Temas sociológicos. Bogotá. 1966.

они ищут в буржуазном реформизме, который противопоставляется марксизму-ленинизму. В последнее время вышли в свет работы, авторы которых занимают «объективистскую» позицию в отношении католической церкви, пытаясь критически подойти к оценке ее роли на различных этапах истории Латинской Америки. К ним принадлежат Д. Уорсестер, Ф. Танненбаум, М. Туьен де Лара, Э. де Кадт, Х. Бенейто и другие².

Вопрос о роли католической церкви в общественной жизни Америки колониального и последующих периодов, естественно, привлекает все большее внимание как прогрессивных зарубежных, так и советских ученых. Среди советских исследований можно назвать труды об отдельных сторонах деятельности латиноамериканской католической церкви и роли католицизма в политической жизни континента³. В монографии В. П. Андроновой «Колумбия: церковь и общество» (М. 1970) показаны сложность и противоречивость проблем, стоящих перед латиноамериканским католицизмом, описан типичный для латиноамериканских стран механизм воздействия церкви на общественные отношения. Историю латиноамериканского католицизма, основные формы и методы его деятельности, а также его связи с местной реакцией и империализмом рассматривает в своих работах, в том числе и в недавно вышедшей книге «Мятежная» церковь в Латинской Америке» (М. 1972), И. Р. Григулевич.

В данной статье освещается роль испанской католической церкви в завоевании Америки и выработке новой социальной организации американского общества. Без анализа этих проблем нельзя понять причины устойчивости влияния католицизма в его традиционных формах на современное латиноамериканское общество. В этой связи в статье затрагивается также вопрос о месте католической церкви в средневековой Испании, ее проникновении во все сферы общественной жизни страны накануне открытия и завоевания Америки.

В пору позднего средневековья влияние католической церкви в Европе повсеместно ослабевало. Однако испанская церковь оказалась в несколько иных условиях. На протяжении многовекового периода реконкисты, носившей религиозную окраску, испанская церковь выступала как интегратор народных сил, она служила символом борьбы против «неверных». Поэтому в то время, как в остальных европейских странах католическая церковь вступила в полосу упадка, испанская церковь укреплялась как экономически, так и идеологически вплоть до конца XV в., то есть до полного изгнания мавров из Испании.

Одним из основных стимулов к усилению ее влияния было непосредственное участие духовенства в освоении отвоеванных у мавров земель. В ходе реконкисты на этих землях возводилось множество пограничных крепостей-городов и укрепленных монастырей, которым короли, заинтересованные в сохранении отвоеванных земель, предоставляли большие привилегии, в том числе и политические, такие, например, как муниципальное управление. Городские советы обладали здесь всей полнотой

² D. E. Worcester, W. G. Schaeffer. The Growth and Culture of Latin America (From Conquest to Independence). Vol. 1. New York—London—Toronto. (w. y.); J. Beneyto. Historia social de España y de Hispanoamérica. Madrid. 1961; F. Tannenbaum. Ten Keys to Latin America. N. Y. 1964; E. de Kadt. Catholic Radicals in Brazil. L.—N. Y. 1970.

³ М. В. Андреев. Католицизм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения. М. 1968; его же. Католицизм в политической жизни латиноамериканских стран. «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 6; Н. А. Ковальский. Политика католической церкви в рабочем движении Латинской Америки. «Освободительное движение в Латинской Америке». М. 1964; Н. А. Решетников. Клерикализм. М. 1965; М. М. Шейнман. Современный клерикализм. М. 1964; А. Ф. Шульго. О католическом «третьем» пути в Латинской Америке. «Мировая экономика и международные отношения», 1958, № 6.

политической власти. Многие города содержали свои войска. Испанские короли с самого начала Реконквисты всячески поддерживали церковь, чтобы с ее помощью поднимать народные массы на борьбу против арабов. В результате католическая церковь за период Реконквисты сильно укрепила свои позиции в стране. Испанские епископы к этому времени обладали уже не только духовной, но и светской властью. В их руках находились церкви и монастыри, духовенство и солдаты, приходские священники и судопроизводство⁴. Католицизм сохранял огромное влияние на широкие массы верующих, недавно освобожденных от арабского господства. Он представлял собой в то время «христианство Реконквисты, крестовых походов и контрреформ»⁵. Духовная иерархия всячески культивировала своеобразный «испанский дух» католицизма, который должен был воспитывать в народе фанатическую ненависть к мусульманам.

Столкнувшись с растущим влиянием католической церкви, испанские короли увидели, что такая ситуация, когда епископы практически не подчинялись короне, была чревата тяжелыми последствиями для Испании второй половины XV в., особенно если учесть, что к тому времени в Европе уже существовали сильные централизованные государства. Поэтому, предприняв шаги по пути объединения страны, они попытались ослабить в ней влияние римской курии, рассчитывая при этом избежать прямого противоборства с церковью и уж, во всяком случае, с высшей духовной иерархией. С этой целью и был выдвинут тезис о «королевском патронате» над церковью.

В XVI в. католическая церковь в масштабах Европы была настолько ослаблена, что испанская корона оказалась сильнее, чем папство. В условиях новой расстановки социально-политических сил на континенте папы вынуждены были согласиться на патронат королей над церковью, рассчитывая при этом найти себе поддержку со стороны испанских монархов. Патронат, за который испанская корона боролась на протяжении длительного времени, был окончательно оформлен в 1523 г., когда папа Адриан VI буллой «*Eximiae devotionis affectus*» предоставил своему «последователю Карлу I, королю Испании, полное право патроната и представительства в испанских епископствах»⁶.

Установление власти «католических» королей (Фердинанда и Изабеллы) над церковью ознаменовало собой установление абсолютизма в Испании, но, разумеется, не означало отстранения церкви от политической жизни в Испании. Напротив, оно привело к слиянию церкви со светской властью. Патронат в условиях Европы XVI в. означал не просто право королей назначать угодных им лиц на высокие духовные посты, но прежде всего укрепление связей между аристократией и духовенством. В ходе объединения страны королевская власть сохранила за аристократией и духовенством ряд привилегий, что позволило церкви и дворянству сосредоточить в своих руках почти все земли и пользоваться в своих владениях безграничными юридическими и иными правами: они назначали алькальдов (бургомистров), коррехидоров (губернаторов), судей, писцов и т. п. К XVI в. 52% испанских земель принадлежало аристократам-латифундистам; 45% — епископам и другим представителям церкви, городской аристократии и т. д.; оставшиеся же 3% — крестьянам, непосредственно обрабатывавшим землю⁷. Таким образом, установление королевского патроната над испанской церковью ознаменовалось стабилизацией власти аристократии и духовенства в Испании.

⁴ M. Tuñón de Lara. *El hecho religioso en España*. P. 1968, p. 55.

⁵ J. L. L. Aranguren. *Moral y sociedad*. Madrid. 1967, p. 35.

⁶ Tarsicio de Ascona. *La elección y reforma del episcopado español en tiempo de los reyes católicos*. Madrid. 1960, p. 6.

⁷ M. Tuñón de Lara. *Op. cit.*, p. 53.

После Реконквисты наступил новый этап в усилении церкви, которая, слившись с государством, превратила Испанию в ревностного защитника старого режима в Европе, переживавшей период зарождения капиталистических отношений. Перемены, происходившие в Западной Европе, меньше всего или почти совсем не затронули Испанию. Испанский абсолютизм стал преградой для проникновения новых идей, вызванных ренессансом и реформацией. Как писал по этому поводу К. Маркс, в XVI в. «в Испании аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретаая значения, присущего современным городам»⁸.

Особой вехой в развитии испанского абсолютизма стал Тридентский собор католической церкви 1545—1563 годов. Его решения, объявленные непреложным законом для населения Испании, наложили глубокий отпечаток на «религиозные дела» страны. Предписания церкви стали рассматриваться как «государственные законы», а не только как нормы поведения для верующих⁹. В результате Тридентского собора католическая церковь окончательно слилась с государством. Решения собора были использованы для расправы со многими видными деятелями культуры, которые подпали под действие трибуналов инквизиции. В обществе, идеологические основы которого были построены на религиозных догмах, любые отклонения от них рассматривались властями одновременно и как ересь и как государственное преступление. Догматическая деформация христианства привела к теологической интерпретации испанского абсолютизма, который предоставлял право на жизнь и право быть человеком только «обладателям правды», к каковым не относились еретики. Отсюда и «войны с ведьмами», а также жестокие преследования представителей других религий¹⁰.

Утвердившись в 1480 г., инквизиция вскоре превратилась в смешанный церковно-государственный орган, предназначенный для борьбы за укрепление в Испании старого, феодального режима. Эти преследования, носившие религиозную окраску, были направлены против торговой буржуазии, ядро которой составляли евреи и мавры. Усиление ее угрожало традиционной аристократии.

Но внутренний рынок постепенно все же набирал силы, и непригодность аристократии к новым условиям обнаруживалась все явственнее. Появлялась все большая нужда в деньгах, которыми титулованные дворяне не располагали. Буржуазия, накапливая значительные денежно-материальные ценности, не могла пробиться к власти в силу сословного разделения сфер деятельности. Однако, неудержимо развиваясь в недрах феодального общества, капиталистические элементы во все возрастающей степени вовлекали и аристократию в товарно-денежные отношения. Дворянство в этих условиях разорялось, но, опираясь на церковь, по-прежнему крепко держало в своих руках рычаги политической власти.

Деньги приобретали все возрастающее значение в жизни испанского общества, хотя формально приоритет отдавался принадлежности к дворянскому сословию, родovitости и т. д. Обычными стали сетования дворян на то, что «деньги ценятся больше, нежели рыцарство, и что богатые — более уважаемые граждане, чем знатные»¹¹. К этому времени уже можно было купить за деньги аристократический титул и тем самым занять почетное место в испанском обществе. Развернулась острая борьба, направленная в основном на предотвращение полного разорения дворянства, которая в идеологическом плане вылилась в движение за сохранение «чистоты крови», за старинные родовые права. Мания «чи-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 432.

⁹ J. L. L. Aranguren. Op. cit., p. 31.

¹⁰ J. Cuatrecasas. Raíces religiosas de la Guerra. «Cuadernos americanos» (México), 1970, № 5, p. 65.

¹¹ J. Veneuto. Op. cit., p. 292.

стоты крови», перенесенная на политическую почву и усиленная религиозными мотивами, являлась своего рода показателем расстановки социальных сил в испанском обществе позднего средневековья, где уже начали быть буржуазные элементы, правда, еще крайне слабые и неспособные противопоставить себя испанскому абсолютизму, как это имело место в других странах Европы.

Своеобразная расстановка социальных сил в Испании глубоко повлияла на общественное сознание, она содействовала выработке определенной морали, характерной для общественной организации «христианского режима», главным признаком которой явилась монополизация аристократией и духовенством ключевых позиций в политической и культурной жизни. Монополизация аристократией и духовенством определенных профессий и видов занятий являла собой самую отрицательную сторону тогдашнего испанского абсолютизма. Она означала исключение из этих сфер деятельности представителей других сословий. Поэтому категория сословия и его мораль были всегда статичными, вертикальная мобильность почти невозможна. Вот эта-то сословная мораль испанского общества, оказавшись перенесенной в Америку, и наложила неизгладимый отпечаток на развитие данного региона.

Открытие и завоевание Америки хронологически совпали с освобождением Испании от арабского господства. Многие участники боев с арабами, не находя себе применения в условиях мирной жизни, обратили свои взоры на миллионы «неверных», которых «можно было» завоевывать, грабить, превращать в католиков. С этими мыслями прибыли в Америку испанские солдаты и священники. Враждебность испанского католицизма к «неверным», выработанная за годы реконквисты, была перенесена на индейцев Нового Света. Как замечает Д. Уорсестер, реконкиста явилась во многих отношениях отличной тренировкой для будущих конкистадоров¹². Испанцы принесли в Америку концепцию «священной войны», которая неоднократно использовалась для обоснования права и даже необходимости ведения войны ради обращения «неверных». Все это в значительной мере поднимало роль церкви в процессе завоевания Америки. В колонизации этого континента на священников была возложена задача духовного порабощения индейцев.

Испанский католицизм сыграл решающую роль в выработке идеологии конкисты. Церковь выступала не только в качестве духовного помощника колонизаторов, в чем, собственно, и заключалась ее основная миссия, она также поддерживала среди верующих стремление к так называемому «абсолютному совершенству», выработанное испанской духовной иерархией еще во времена борьбы против арабов и превратившееся в определяющую черту испанского католицизма. Но этот идеал «абсолютного совершенства», проповедуемый церковью, представлял собой не что иное, как ту же самую идею о «чистоте крови», о «единственно верной» христианской религии, о «высшей миссии» испанской католической церкви.

Основу общественной структуры, созданной испанскими конкистадорами в колониях, составляли власть меча и влияние духовенства. На этой базе и сформировалась элита колониального общества. Мораль, чувства и характер народных масс испанских колоний на протяжении веков находились под непосредственным влиянием этих элементов, усиленных тем обстоятельством, что колонии были практически отрезаны от остального мира. На всем протяжении конкисты гражданские и военные власти рассматривали церковь как необходимый инструмент управления индейцами. Духовенство, по словам Д. Уорсестера, было в те времена единственной связующей силой общества¹³. Церковь была фактором, стабилизовавшим обстановку на завоеванных землях.

¹² D. E. Worcester, W. G. Schaeffer. Op. cit., p. 7.

¹³ Ibid., p. 54.

Для более полного понимания роли церкви в социальной структуре колониального общества необходимо глубже рассмотреть некоторые аспекты ее деятельности. Как и в метрополии, католическое духовенство слилось здесь с правящими кругами, чья власть и влияние были неограниченными. В социальной деятельности церкви следует выделить ее особый интерес к воспитанию и лечению людей, для чего она наряду со строительством монастырей возводила госпитали и колледжи. О том значении, какое придавалось этой деятельности, свидетельствует хотя бы такой факт: в Мексике в 1555 г. состоялся первый провинциальный собор, посвященный состоянию образования и преподаванию основ христианства в школах. Собор, в частности, принял постановление, что ввиду недостатка духовников для преподавания основ христианства «необходимо иметь в каждой деревне трех индейцев, пользующихся соответствующей репутацией, которые должны преподавать христово учение детям»¹⁴. Католическая церковь оказывала решающее влияние на формирование сознания и воспитание молодежи в духе крайней нетерпимости к другим религиям. С самого начала она взяла на себя осуществление полного и безграничного контроля над всей системой образования и воспитания в Новом Свете, что и по сей день сильно сказывается во многих странах Латинской Америки.

Особую веку в распространении католицизма представляет собой начало деятельности в Новом Свете иезуитов. Последние прибыли сюда в конце XVI в., когда в основном земли здесь были уже заняты колонистами, а индейцы почти полностью закреплены за земельными собственниками. За свободными индейцами, скрывавшимися в тропических лесах (сельве), колонизаторы вели настоящую охоту. Иезуиты осудили образ действий колонистов, обвинив их в том, что те не выполняли указаний короны и смотрели на индейцев как на рабов, лишая их свободы, разоряя и обременяя изнурительным трудом. Доведя свои обвинения до сведения испанского двора (при котором всегда в качестве духовного отца короля находился иезуит), они вызвались посредством «кротости и убеждений» обратить «неверных» в христианство, сделать их оседлыми жителями. Однако, как свидетельствуют многочисленные официальные документы и записки современников, действия иезуитов во вновь открытых колониях нисколько не отличались от действий гражданских колонистов, а во многих случаях даже превосходили их изощренностью в эксплуатации и жестокостью в обращении.

Иезуиты сумели быстро закрепиться в американских колониях. Высокая организованность и дисциплина ордена позволили им войти в самую гущу индейцев. Ловко приориавливаясь к особенностям их жизни, иезуиты действовали в любых ролях — от лекаря до духовника. Один из первых иезуитов, приехавших в Бразилию, Жоас де Аспикуэльта Наварро, например, быстро освоил язык индейцев и перевел на него все необходимые молитвы. В своих проповедях он использовал различные приемы риторики и жесты, чтобы произвести большее впечатление на индейцев¹⁵. В церквях, построенных иезуитами, изображения святых были огромных размеров, им придавался грозный вид. Согласно описанию одного из бывших иезуитов, на изображениях святые устрашающе водили глазами; одни потрясали копьем, другие саблей, третьи размахивали молотом, даже изрекали различные грозные сентенции¹⁶. По словам путешественников, миссионерские церкви были переполнены бутафорией, напоминая театральные склады. Все средства использовались для того, чтобы запугать суеверных индейцев и навязать им христианство. Проникая в районы, куда еще не ступала нога конкистадоров, католические миссионеры терпеливо вели мирную пропаганду, а затем, завоевав дове-

¹⁴ E. Galarza. *The Roman Catholic Church in Mexico*. Sacramento. 1928, p. 27.

¹⁵ Th. de Castro. *História da civilização Brasileira*. Rio de Janeiro. 1969, p. 80.

¹⁶ A. Boucher. *Historia de los jesuitas*. Barcelona. 1870, p. 308.

рие индейцев, подобно светским колонистам, организовывали «редукции» — обширные поместья, за которыми закреплялись тысячи индейцев, попадавших в полную зависимость от «духовных отцов».

Однако на церковь возлагались не только эти функции. Королевский двор видел в ней также важный инструмент контроля за деятельностью колониальных властей и наблюдения за проведением в жизнь королевской политики в Новом Свете. В процессе освоения его земель возникали противоречия между интересами испанской короны и тех социальных сил, на которые она опиралась, с одной стороны, и конкистадоров и переселенцев в Америке — с другой. Прибыв в Новый Свет, колонизаторы сталкивались со всеми трудностями конкисты и борьбы со свободолюбивыми индейцами. Поэтому на начальной стадии завоевания Америки корона предоставляла им широкую самостоятельность. Им разрешалось создавать за свой счет отряды авантюристов и завоевывать новые земли. Добыча, награбленная в таких походах, оставалась в руках конкистадоров, и лишь часть ее выплачивалась королевской казне.

На завоеванных землях конкистадоры становились неограниченными правителями, объединяя в своих руках гражданскую, военную и судебную власть. На ранней стадии колонизации такая система устраивала корону, ибо она была заинтересована в быстром процессе «цивилизации» индейцев и расселении их в деревнях (*pueblos*), устроенных по европейскому образцу.

Одним из видов королевских пожалований конкистадорам являлась энкомьенда, форма земельной собственности, получившая развитие во времена реконкисты, когда короли, стремясь закрепить за Испанией отвоеванные у арабов земли, раздавали их духовникам и военачальникам в феодальное владение. В Новом Свете она была введена в 1529 г., в результате чего многочисленные поселения индейцев были розданы испанцам в награду за услуги, оказанные короне или колониальным властям. Энкомьенда вводила систему зависимости индейцев от колонизаторов и была направлена на то, чтобы полностью разрушить традиционные формы общественных отношений у индейцев и заложить основы такого общества, где господствовали бы испанцы. Эксплуатация аборигенов в условиях энкомьенды внешне носила религиозный характер: на владельца энкомьенды возлагалась миссия христианизации индейцев¹⁷. В действительности же держатель энкомьенды был феодальным господином. Он распоряжался индейцами как хотел и обычно отнимал у них земли, а самих их превращал в крепостных. Таким образом, энкомьендеро, по существу, был не столько королевским правителем завоеванных земель, сколько почти независимым феодальным сеньором, хотя формально и оставался вассалом короля. Такая система напоминала Испанию перед ее централизацией.

Испанские монархи скоро заметили опасность укрепления в колониях феодалов, с политической независимостью которых они вели упорную борьбу в метрополии. К тому же короли опасались, что завоеватели, владея землями, территориально в несколько раз превосходившими Испанию, потребуют полной независимости. И такие попытки действительно имели место, и неоднократно. Поэтому уже в самом начале завоевания Америки возник вопрос о контроле за деятельностью колониальной администрации. Потребовался институт, способный следить за тем, чтобы колониальные власти были проводником королевской политики и в своей деятельности не выходили за определенные монархией рамки.

Католическая церковь подходила для этой цели лучше всего. Этим, в частности, объясняется политика двора, щедро раздававшего в колониях земли в пользование католической церкви. Наделение церкви боль-

¹⁷ «Эквадор». М. 1963, стр. 68.

шими земельными владениями свидетельствовало о том, что именно на нее делал основную ставку королевский двор в управлении колониями. В конечном счете у церкви и короны сложилось в этом вопросе стремление к взаимной поддержке. Церковь служила опорой короне потому, что королевские привилегии превратили ее в важную силу социальной организации колониального общества. Корона же рассматривала церковь в колониях как главное средство политического и духовного контроля. На нее возлагалось наблюдение за перестройкой колониального общества по образцу феодально-клерикальной Испании. Она была уполномочена королем и папой осуществлять свое влияние не только среди индейцев, но и среди самих испанцев на всех уровнях колониального общества.

В результате в американских колониях с самого начала были заложены основы феодальной общественной организации, в которой конкистадор, монах и помещик-креол держали индейцев в состоянии полной зависимости. Распределение юрисдикции между светскими и духовными властями в колониях с самого начала было очень запутанным, и это часто приводило их к столкновениям. В таких конфликтах корона почти всегда стояла на стороне церкви, особенно активно поддерживая ее миссию по распространению католицизма. Официально отношения между церковью и светскими властями регулировались сводом законов, известным под названием «*Recopilación de las leyes de los Reynos de Indias*» («Свод законов об Индиях»), где были собраны все законодательные акты Испанской колониальной империи. Из этого документа видно, какие большие привилегии короли предоставляли церкви в Новом Свете в рамках королевского патроната.

Насаждение католицизма, христианизация индейцев были составной частью испанской колониальной политики. В каждом имении, энкомьенде или плантации имелись церкви. Католическая церковь не только освящала эксплуатацию, но и сама заодно с помещиками выступала в качестве коллективного эксплуататора, используя при этом не только средства духовного угнетения, но и весьма эффективную материальную власть. Духовенство взидало с обращенных в христианство индейцев десятину, а кроме того, получало доходы от платы за требы и от «добровольных пожертвований». К XVIII в. размеры церковной десятины были настолько значительными, а злоупотребления, допускаемые при ее сборе, столь чудовищными, что неоднократно вызывали восстания в индейских деревнях¹⁸.

Постепенно духовенство сосредоточило в своих руках огромные латифундии. С момента завоевания все развитие и вся жизнь американского общества проходили под прямым воздействием церкви. На всю его социальную, экономическую и политическую структуру наложили отпечаток нормы испанской церкви, идеология которой, как уже указывалось выше, по сравнению с католицизмом других европейских стран отличалась крайней нетерпимостью к иным религиям и догмам.

Поскольку главой церкви в колониях, как и в самой Испании, был король, верхушка духовенства, господствовавшая над всем колониальным обществом, назначалась, как правило, королевским двором. Ее представители всегда были выходцами из Испании. Вся колониальная структура жиддилась на системе королевского патроната, вследствие чего управленческий аппарат в колониях целиком состоял из приближенных короля. Это позволяло испанской аристократии и духовенству наезжать в Новый Свет, чтобы «позолотить», как тогда говорили, свои гербы. Обычно срок их пребывания в Америке не превышал 3—5 лет.

Часть испанских чиновников, офицеров, купцов, обзаведясь поместьями, оседала в колониях, эксплуатируя труд индейцев и негров (послед-

¹⁸ Там же, стр. 72—73.

них стали ввозить сюда из Африки). Потомки этих испанских переселенцев получили название креолов, составивших к началу XIX в. уже около пятой части населения колоний. В итоге в Америке появилась новая колониальная аристократия, которая во многих отношениях превосходила по своей мощи и богатству прежнюю, испанскую. Институт энкомьенд позволил креолам занять высокое положение в колониальном обществе. Они, как и королевские чиновники, принадлежали к его привилегированному слою. Однако хотя креолы формально были равноправны с уроженцами метрополии, в действительности же испанские короли и колониальная администрация, состоявшая из выходцев из Испании, систематически жертвовали их интересами в угоду испанским дворянам и богатым купцам. Но не только поэтому креолы с самого начала испытывали недовольство в отношении королевского двора. Основной его причиной были препятствия, которые корона чинила экономическому развитию колоний.

Экономическая политика Испании в колониях носила чисто меркантильный характер. Она стремилась к тому, чтобы драгоценные металлы никуда не уходили из Америки, кроме Испании. Поэтому она старалась не допускать развития торговли американских колоний с другими странами и строила свою торговлю с ними так, чтобы оттуда вывозить исключительно сырье и другие ценности в обмен на товары, производимые в метрополии. Однако вследствие неразвитости промышленности в самой Испании колониям пришлось разрешить производство некоторых товаров для внутреннего потребления. Налаживание любого производства возможно было только с разрешения Совета по делам Индий — органа, служившего, по словам мексиканского буржуазного экономиста Л. Солиса, для предотвращения конкуренции товаров местного производства с товарами, производившимися в метрополии¹⁹. Таким образом, экономическая политика королевского двора в колониях сводилась в основном к стремлению пополнить королевскую казну драгоценными металлами, а также опрадать интересы Испании в колониях.

Креолы же добивались устранения посредничества испанских купцов, державших в своих руках всю торговлю с Европой. Они хотели свободно торговать со всем миром, что было невозможно, пока вся власть принадлежала ставленникам метрополии. Концепция «чистоты крови», получившая широкое распространение в Испании при Фердинанде и Изабелле, позже была перенесена церковью и в Новый Свет, где она тоже была положена в основу социальных отношений²⁰. По мере расового смешения креолы все больше отстранялись от руководства делами в колониях. Белые переселенцы ревностно защищали свое «превосходство», которое они видели в первую очередь в своем европейском происхождении. В результате белое меньшинство на долгие годы захватило рычаги управления в свои руки. Поддержка колониальных властей в этом смысле представляла собой одну из форм королевской политики в колониях, что сказывалось на всей системе общественных отношений. Прежде всего такая политика привела к повсеместной коррупции и стяжательству в административно-управленческом аппарате. Королевские чиновники видели цель своего пребывания в Америке в самой откровенной наживе. Даже сам король за определенную плату предоставлял метису или мулату некоторую эмансипацию или правомочность²¹.

По мере увеличения товарности сельского хозяйства и развития других отраслей экономики росло стремление креолов, в том числе и интеллигенции, ликвидировать колониальный режим. Это стремление отражало собой те социальные сдвиги, которые были связаны с развитием

¹⁹ L. Solís. La realidad económica mexicana: retrovisión y perspectivas. México, 1971, p. 10.

²⁰ D. E. Worcester, W. G. Schaeffer. Op. cit., p. 111.

²¹ Ibid., p. 154.

сельского хозяйства, освоением природных богатств, некоторым повышением квалификации рабочей силы и появлением благодаря деятельности миссионерских школ слоя (пока еще незначительного) образованных американцев. Особенно остро недовольство испанским господством стало проявляться у креолов после Французской буржуазной революции конца XVIII в., когда передовые идеи того времени стали доходить до испанских колоний, пробуждая чувство национального достоинства. По свидетельству современников, после Французской революции от креола часто можно было слышать: «Я вовсе не испанец, я — американец»²², — что выражало истинное отношение американских колонистов к испанскому покровительству.

Однако, несмотря на всю ненависть к представителям колониальных властей, креолы отнюдь не были склонны опираться в своей борьбе против колониального режима на широкие народные массы колоний — индейцев и мулатов. Некоторые сторонники независимости из среды имущих классов, не решаясь опереться на народные массы, пытались добиться отделения колоний от Испании при помощи враждебных ей держав — Англии, Франции, США²³. Это было следствием сословной ограниченности испанского общества, которая в условиях Нового Света превратилась в расовую неприязнь к местным народам и племенам. Представители «высшей расы» презирали «цветных» и стремились не допускать «цветное население» к участию в политической жизни, так как их весьма беспокоила перспектива перерастания борьбы за независимость в социальную революцию, направленную как против колонизаторов, так и против местных эксплуататоров. Поэтому они порой проявляли известные колебания, нерешительность, старались сдерживать активность народных масс и не выпускать их из-под своего контроля.

К началу XIX в., когда Испания потеряла престиж великой державы, в американских колониях во все большей мере стали проявляться противоречия между креольской элитой и представителями королевской администрации. Широкие же массы, по свидетельству многочисленных источников, почти не принимали участия в политической борьбе, полностью находясь под влиянием своих патронов — латифундистов и католической церкви. В силу своей культурной отсталости они не были еще в состоянии выработать определенную политическую платформу. Их роль в войне за независимость колоний была ограничена стихийной поддержкой политических требований своих патронов.

В результате многовекового господства церковь к концу колониального периода достигла почти неограниченного влияния на местное население. В ее руках сосредоточились огромные материальные ценности. Церковь превратилась в главного ростовщика. Это не исключало, однако, того обстоятельства, что определенная часть низшего духовенства (главным образом священники-креолы) сочувствовала движению за независимость колоний и даже принимала участие в нем²⁴. В целом же интересы церкви совпадали с интересами крупных земельных олигархов. Она неизменно использовала свой авторитет для поддержки реакционных политиков в обмен на сохранение ими ее привилегий, которые оказались под угрозой в ходе войн за независимость. Церковь выступала против освободительных войн в Америке начала XIX века. Она была на стороне колонизаторов. Однако политические перемены в метрополии, вызванные революцией 1820 г., сыграли определенную роль в развитии событий в Америке. Колониальная католическая иерархия стала менять

²² Цит. по: В. Мирошевский. Освободительные движения в американских колониях Испании. М.-Л. 1946, стр. 95.

²³ М. С. Альперович. Освободительное движение конца XVIII—начала XIX в. в Латинской Америке. М. 1966, стр. 31.

²⁴ И. Р. Лаврецкий. Католическая церковь и война за независимость Испанской Америки. «Новая и новейшая история», 1961, № 3, стр. 72.

свое отношение к войне за независимость колоний; церковь в этих условиях попыталась приспособиться к патриотам, надеясь если не захватить в свои руки контроль за развитием событий, то хотя бы сохранить при новом режиме свои традиционные привилегии.

Страх перед демократическими преобразованиями в Испании и желание во что бы то ни стало сохранить свое политическое влияние и привилегии явились основными причинами отделения американской церкви от Испании, в результате чего ей удалось не только не потерять, но даже укрепить свои позиции в ходе освободительных войн благодаря отмене права патроната, принадлежавшего королевской короне. Американская церковь обрела полную независимость от государства. Кроме того, в ходе войн за независимость колоний духовенство сумело захватить новые земли²⁵.

На дальнейшем развитии американских республик сказался односторонний характер освободительных войн, во время которых были изгнаны испанские колонизаторы, но остались неосуществленными мероприятия по радикальному изменению социальной структуры общества, как это было сделано, например, в ходе Французской буржуазной революции. Сыграло свою роль и следующее обстоятельство. В результате войн была сильно подорвана экономика бывших колоний. Для ее восстановления потребовались большие капиталы, а единственным держателем таковых являлась церковь с ее огромным движимым и недвижимым имуществом. Креолы, придя к власти, стремились создать в американских республиках режимы парламентской демократии. Но отсутствие политического опыта, а также недостаток административно-управленческого персонала привели к тому, что скоро и притом почти повсеместно стал серьезно ощущаться так называемый «вакуум в управлении». Продажность государственных чиновников привела к тому, что строй молодых республик, представлявший собой причудливое переплетение старых институтов, оставшихся в наследство от колониального режима, и новых, еще не окрепших, оказался в состоянии хаоса. Х. К. Мариатеги, говоря в этой связи о результатах войн за независимость Перу, отмечает, что энкомьендеро и помещики, которые во время войны за независимость колебались между патриотами и сторонниками вице-королевства, «открыто захватили руководство республикой. Колониальная и монархическая аристократия формально превратилась в республиканскую буржуазию. Социально-экономическое устройство колониального периода внешне приспособилось к созданным революцией институтам. Но революция оказалась пропитанной колониальным духом»²⁶. Пока духовенство и военщина с их авторитарными традициями, унаследованными от Испанской империи, сохраняли полную независимость от гражданских властей, нельзя было предпринять каких-либо радикальных демократических преобразований.

Сословный дух был распространен в латиноамериканском обществе и притом с такой силой, что даже в первый период существования новых республик сословные критерии стояли выше складывавшегося чувства национальной принадлежности. А это, в свою очередь, мешало процессу ломки старых социальных структур. В ходе войны за независимость колоний креолы очень скоро пошли на заключение союза с оставшимися в Америке испанцами, игнорируя интересы метисов и мулатов. Этот союз основывался на общих интересах в сфере землевладения, унаследованных от колониальных времен, а затем и общем участии в управлении и в других областях общественной жизни. Во время войн за независимость местная буржуазия представляла собой тонкую торговую прослойку и по их окончании не могла оказать значительного влияния

²⁵ Г. Паркс. История Мексики. М. 1949, стр. 65.

²⁶ Х. К. Мариатеги. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М. 1963, стр. 277—278.

на ход преобразований. Свобода и демократия, провозглашенные в молодых республиках, представляли собой только фетиши, за которыми скрывались прежние формы правления. Сохранившаяся от колониального времени социальная структура не позволила сложиться режимам, которые соответствовали бы идеалам европейских буржуазных революций. Политические кризисы, возникавшие в странах Латинской Америки, завершались государственными переворотами, результаты выборов ликвидировались с помощью вооруженных сил.

Старые социальные прослойки (латифундисты и духовенство) закрепились в своих владениях, а чиновники управленческого аппарата, не уехавшие в Испанию, вступили в сделку с креолами. Когда революционные силы попытались ликвидировать прежнюю структуру, они столкнулись с хорошо организованной оппозицией, которая, будучи сильнее их, взяла инициативу в свои руки. Экономические и другие трудности привели к тому, что молодые правительства в своей деятельности все более опирались на церковную иерархию, с помощью которой они старались стабилизировать обстановку. Власть в республиках почти повсеместно оказалась в руках хунт, составленных из представителей высшего духовенства и креольской аристократии. Эксплуатируемые феодалами народные массы, как и в колониальный период, были отстранены от политической жизни. Индейцы, негры и другие народности не получили никаких политических прав; были введены высокий имущественный и образовательный ценз и многие другие ограничения. В результате войн за независимость власть центральных правительств была значительно ослаблена, зато усилилось влияние и без того сильных латифундистов, владевших большими земельными угодьями. Это привело к дальнейшему усилению личной зависимости крестьян. Давление со стороны крупных землевладельцев, среди которых находилась и церковь, ощущали не только неимущие труженики, но и мелкие собственники. Так, мексиканская церковь к середине XIX в. владела $\frac{1}{3}$ всех обрабатываемых земель. Но этим ее влияние не исчерпывалось. Помимо крестьян, которые обрабатывали ее земли на арендных условиях, она контролировала и мелких сельских собственников, которые почти всегда были ее должниками, ибо вынуждены были погашать ссуды, которые церковь предоставляла им под заклад земель. «Не имея ни капиталов, ни технических знаний, придавленные долгами церкви, эти крестьяне едва удовлетворяли свои потребности»²⁷. Это вытекало из полной монополизации крупными латифундистами всех средств производства — начиная с собственности на землю и кончая орудиями труда, средствами передвижения и т. д.

Отношения между латифундистами и крестьянами носили всеобъемлющий характер. Латифундист считался «патроном» по отношению к своим крестьянам, защищавшим их интересы, опекавшим их в случае стихийных бедствий или неустойчивости рынка. Крестьяне же в ответ на «добродетельность» патрона в порядке морального долга поддерживали его в самых различных случаях. Низкий культурный и экономический уровень серьезно тормозил социальное развитие. Сложившаяся система отношений обусловила формирование и закрепление патерналистских тенденций, глубоко укоренившихся в социальной психологии латиноамериканского крестьянства. Особенно это относится к тем районам и странам, где до сих пор значительное число крестьян находится в состоянии внеэкономической зависимости от латифундистов. В этом плане «высшая власть», от которой зависела судьба крестьян, не была никогда для них отвлеченным понятием, выступавшим в качестве какого-либо политического или другого института, она воплощалась в личности местного землевладельца и священника.

²⁷ L. Solís. Op. cit., p. 32.

Таким образом, в результате распространения в Америке испанской разновидности католицизма местная церковь превратилась в важнейший фактор в формировании социальной организации американского общества. Переняв от испанской церкви ее самые отрицательные черты и еще более усилив их в условиях Нового Света, латиноамериканская церковь стала на длительное время главным средством контроля за широкими массами. Повсеместное проникновение католической церкви в социальную организацию южноамериканского общества было обусловлено разрушением испанскими завоевателями традиционной индейской общности и перенесением на американскую почву феодально-клерикальной структуры, утвердившейся в средневековой Испании.

Войны за независимость начала XIX в. не привели к радикальному изменению социальной организации южноамериканского общества. Напротив, в результате этих войн произошло дальнейшее усиление влияния крупных земельных собственников, что на длительное время затормозило общественный прогресс почти во всех латиноамериканских республиках. Незрелость социальных отношений позволила католической церкви сохранить свои позиции и в независимых республиках. Она до сих пор продолжает оставаться важной составной частью социальной организации в большинстве латиноамериканских стран.
